

Илона Грошева

Тавай

История монгольского шамана

Илона Грошева Тавай. История МОНГОЛЬСКОГО шамана

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29057972

Грошева И. Тавай. История монгольского шамана: Издательство

Кетлеров; Москва; 2017

ISBN 978-5-906097-35-4

Аннотация

Повесть рассказывает о жизни старейшего шамана Тункинского района Бурятии. Малоизученный белый монгольский шаманизм, судьба героя Великой Отечественной войны, ветерана труда, белого монгольского шамана Даниила Сиденовича Сушкеева – эта книга будет полезна тем, кто интересуется сохранившимися до нашего времени древними духовными практиками, а также историей и культурой Восточной Сибири.

Содержание

Начало	5
Встреча	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

**Илона Грошева
Тавай
История
МОНГОЛЬСКОГО шамана**

*С искренней благодарностью судьбе за
знакомство с Данилом Сиденовичем Сушкеевым*

Начало

Много лет и множество километров к душе моей, что живёт за серыми брёвнами загона в бесконечных полях Тункинской долины. Много лет – каждый день – я думаю о нём. У меня есть его фотографии, – за эти годы их сделано совсем немного – и каждая из них выглядит так, что он смотрит на меня – сидит и внимательно смотрит. Слушает, слышит и говорит со мной. Каждый день все эти годы я думаю о том, как странно устроена жизнь. Я задаю себе один и тот же вопрос: почему самые близкие нам люди, наши любимые, родные, приходят в нашу жизнь не в её начале, почему они не ровесники нам и почему мы встречаемся так поздно, так жестоко и изощрённо поздно, когда один из нас намного старше другого, а тот, другой, уже успел прожить свою жизнь, наверное, наполовину – так, во всяком случае, утверждает он. И я ему верю.

Его фотографии – не единственный способ общаться. Он приходит ко мне во сне, – часто будто из внезапного прояснения в свинцовом питерском небе – в своей любимой рубашке и с неизменным чувством юмора, которое рисует морщинки лучами вокруг его солнечных, но выгоревших глаз. Он говорит со мной по телефону, когда я звоню и, как истинный стяжатель всего лучшего на этой планете, требую до-

ложить о состоянии здоровья, но первое, что слышу все эти годы: «Как дела?» Так он спрашивает каждого, кто ему звонит. А звонят – постоянно, без перерыва. Сейчас у него есть мобильный телефон, и он всегда говорит по громкой связи. А десять с лишним лет назад я дозванивалась по обычному телефону в Харбяты – через барышню, и по старым надёжным проводам бежал мой обеспокоенный голос, чтобы встретиться с его голосом и вновь узнать, что он в порядке.

И, конечно, я стараюсь как можно чаще его видеть. Когда ему было под восемьдесят, нас разделяли двести километров, а теперь – в тридцать раз больше. Но я очень стараюсь. И вот сейчас, ровно в эту минуту, я думаю о том, как поеду к нему, несмотря ни на что, и все шесть тысяч километров я буду думать о том, что мы скоро увидимся и я смогу держать его за руку, слушать его и смотреть ему в глаза.

Десять с лишним лет. Тогда был сентябрь, и тункинские степи, отгороженные Саянами справа и успокоенные Хамар-Дабаном слева (если ехать к нему в Харбяты или вообще в Монголию), были зелёного золота. Ночи были уже холодными, небо часто серым, домики дикого курорта с целебными водами – тоже. Серыми были и дощатые строения маленьких санаториев, и загоны, в которых не жила ещё моя душа, серым был долгий выющийся асфальт дороги, той самой, что режет степь ровно посередине долины. Пахло елью,

уставшим летом и сеном, необрунным сеном в стогах – здесь его и не станут убирать, потому что с ним ничего не случится.

Мы аскетично отдыхали среди суровости сибирского сентября – я, мои годовалые дети и их папа. Часто шёл дождь, и было очень сыро – настолько сыро и спокойно, что вся долина казалась одним большим одеялом, под которым действительно можно отдохнуть. Когда же, традиционно внезапно меняясь, солнце садилось в ясном небе, изрезанном грядой Саян, асфальт той самой дороги становился медным, а все кони на выпасе – гнедыми. Местные собаки превращались в статуэтки буддийских дуганов, а местные жители – в небожителей, поскольку было их немного и каждому из них солнце придавало загадочное сияние.

По вечерам мы выходили из банного комплекса, в котором принимали с дочерью ванны: дочь категорически отказывалась ходить в свои год и четыре месяца. Мы выходили оттуда по серой пахучей глине, с мокрыми полотенцами на головах, в тёплых свитерах: дочь с серьёзным видом восседала у меня на левой руке, а в правой я всегда несла сумку для молочных лепёшек.

В один из таких вечеров мне рассказали, что неподалёку от нашего серого домика есть деревня, а в деревне той жи-

вёт самый настоящий шаман. Я уже была знакома с культурой и традициями бурят-монголов и хорошо знала две вещи: что для общения с людьми, не утратившими печати кочевой свободы на душах своих, нужно время – они не открываются вот так сразу обыкновенным туристам с круглыми светлыми глазами. И второе: шаман – это вовсе не чумазный мужик с немой головой, в халате из кожи всех подряд и с ключиками по бортам, скачущий в экстазе под собственный бубен. Ещё я хорошо знала, что Восточная Сибирь – край, где многое возможно, в том числе невозможное. Мне рассказали, что там, в Харбяхтах, живёт белый монгольский шаман, самый уважаемый в округе, старейший шаман Тунки. И, конечно, я захотела его увидеть. Точнее, я так думала в тот момент.

Сейчас, спустя годы, я научилась отделять сиюминутную плоскую реальность или то, чем она кажется, от того, что происходит с нами на самом деле. Я не до конца понимаю, кому и зачем нужно, чтобы мы прошли свой путь именно так, как задумано. И, что ещё важнее, не стремлюсь понять и увидеть лицо бога. Во-первых, потому что его нет, этого лица. И, во-вторых, потому что всё будет именно так, как задумано. Тунка демонстрирует простым смертным множество чудес – от шуток со временем и пространством до встреч, которые меняют судьбу. И если есть на нашей планете такое место, как Тунка, значит...

Моя жизнь изменилась именно в том сентябре, хотя я об этом не знала. В тот момент я всего лишь хотела дать миру возможность узнать побольше о сокровенном и сакральном – о древнейшей религии, которая появилась на планете так же, как ели, горы и Байкал. О религии, у которой не было основателя, которую никто не описывал и не записывал, в которой никто никого не цитирует. О неуютной для агностиков мифологии, что ровно как окружающая природа – есть, дышит, живёт, родит потомство и переходит в другие формы. Словом, о религии как части природы.

Я была готова к обрядам, легендам, прогнозам, что обязательно сбываются, если этого захочешь ты сам. Но вот тут-то и случилось то самое непростое. Ты сам и твоё взаимодействие с миром природы, а значит, миром шамана... Ты можешь остаться тем, кто ты есть. Но может случиться и по-другому.

Со мной случилось по-другому. И теперь передо мной стоит очень сложная задача – не мистифицируя, не пугая иной реальностью, не скатываясь к шаблонам, рассказать о белом монгольском шаманизме то, что мне стало доступно за эти полтора десятка лет. Позволить прикоснуться к неведомому миру, который выглядит в глазах землян чем-то вроде экспоната в этнографическом музее или просто чудом, в

которое склонны верить люди так же, как в богов и предсказания. Прикоснуться, оставив всё на своих местах, никого ни в чём не убеждая и ничего никому не доказывая. Рассказать о жизни уважаемого человека. Это очень сложно, но я постараюсь.

Встреча

Меня научили, что к шаману нужно идти с определённым набором предметов – сладостями и молоком. В единственном магазине в Харбях эти продукты были главенствующими и подавались продавцом сразу – потому что сюда постоянно заходили за ними те, кто услышал о шамане в первый раз, как и я. Как и мы.

День был ровно серым с традиционным обещанием золотого заката, было пасмурно и всё ещё зелено, когда мы спустились с трассы к забору дома. Как ни странно, здесь ничего не было, хотя хорошо было видно пробитый множеством ног паломнический след. Были и лавочки для тех, кому нужно было ждать. Я волновалась, потому что шла на встречу с очень интересным и неизведанным, шла не как за чудом или диковиной, шла за новым знанием. Моя работа была связана, в том числе, с культурной и духовной составляющими Восточной и Западной Сибири, и они были мне интересны – очень.

Он сидел в сумраке маленькой пристройки – бывшей баньки. Прямо напротив входа – просвет в просвет – его стол, утверждённый прочно при помощи странных предметов, на стене висели, как мне показалось, танки – изображе-

ния буддийских защитников. И голубое гобеленовое покрывало: оно словно специально было подобрано под его глаза. Он сидел в сумраке ещё полного дня. В обычной голубой рубашке. Сидел так нарочно – ему необходимо сидеть ровно напротив входа, чтобы видеть того, кто вошёл. Видеть не контртенё в проёме, нет. Рождение, сегодняшний день и смерть того, кто вошёл, – и переставать видеть, стирать из памяти всю увиденную судьбу, когда вошедший станет вышедшим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.